

К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Н.Л. Лейдерман

КНИГИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАВЕТА

Во всей тысячелетней истории России не было более трагического испытания, чем Великая Отечественная война 1941–45 годов. Было монгольское нашествие, были малые и большие войны. Россию заставляли платить дань, от нее старались отгрызть лакомые куски земли, перекрывать выходы к морям, но никто – ни Батый, ни Наполеон, ни японский микадо, ни кайзер Вильгельм – не стремился уничтожить Россию как страну, а русский народ как нацию. Даже большевики, ослепленные экстремистским ражем, самоуверенно брались переделывать Россию, но все-таки до мысли об ее уничтожении они не додумывались.

Гитлер же пришел в Россию с совершенно определенной целью – низвести населяющих ее людей до положения безличных «юберменшей», растоптать ее многонациональную культуру, ликвидировать ее как государство. И война народов России (называвшейся тогда Советским Союзом) с коричневой чумой была войной не на жизнь, а на смерть – отчаянной борьбой за спасение от тотального уничтожения, если не физического, то духовного.

Поэтому есть все основания утверждать, что именно война с гитлеровским фашизмом стала самым главным, самым решающим событием в тысячелетней истории России.

Недооценка значимости этого события для всех, кто пережил Великую Отечественную войну, кто пришел в жизнь после нее, всех, кому еще предстоит жить на этой земле, приводит не только к искривлению национальной памяти, но и сказывается на национальном менталитете. Без осознания своей родословной, без душевного переживания того, что было в судьбе дедов-прадедов, в истории земли, на которой родился, вырастают хамы, не помнящие родства.

У народов мира издревле средоточием исторической памяти стали Священные книги, а главные религиозные праздники – теми ритуалами, когда народ заново переживает судьбоносное событие. Адресаты подобных ритуалов – дети, это ради них заново проговариваются страницы Завета, разыгрываются сцены из легендарного прошлого. Таков самый надежный механизм передачи эстафеты исторической преемственности, так учат осознавать кровное родство со своим народом и землей праотцов и отцов.

Наум Лазаревич Лейдерман – заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

Для народов России таким сводом священной памяти стала великая литература о Великой Отечественной войне. Ее способность выполнять такую миссию доказана временем. Она родилась буквально 22 июня 1941 года и до сих пор доносит до нас свой голос. Сейчас совершенно очевидно, что именно литература об Отечественной войне составляет самый мощный, самый талантливый пласт истории русской словесности за последние семьдесят лет.

Из огромного массива произведений, рожденных войною, вошли навеки в сокровищницу русской культуры «Священная война» Василия Лебедева-Кумача и «Клятва» Анны Ахматовой, «Жди меня» Константина Симонова и «Землянка» Алексея Суркова, «Василий Теркин» Александра Твардовского и «Возвращение» Андрея Платонова, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова и «Звезда» Эммануила Казакевича, «Судьба человека» Михаила Шолохова, «Сотников» Василя Быкова, отдельные стихи Семена Гудзенко, Михаила Дудина, Юлии Друниной, Бориса Слуцкого... В них запечатлелась вся гамма духовного бытия нашего народа в годы войны: тревога и надежда, героика и безутешное горе, ненависть к врагу и сердечная преданность близким, вера в победу добра и предупреждение о зле, которое таится в идеологии национальной исключительности. Эти произведения вросли в нашу генетическую память.

Память о войне питала творчество писателей в течение всех минувших лет. И вот что примечательно: сколько бы времени ни отделяло написание книг от времени войны, они всегда современны и своевременны. Они пылают страстью, рождают острые споры у читателей-современников. Какие дебаты вызвали повести Константина Симонова «Еще один день» и «Пантелеев» (это были фрагменты, убранные автором из будущего романа «Живые и мертвые»), где впервые без прикрас была показана атмосфера начального периода войны! Какие только ярлыки ни навешивали на первые фронтовые повести Бакланова и Бондарева – «ремаркизм», «окопная правда» (в смысле – узкий взгляд на войну). В каких только грехах не уличали Виктора Некрасова за рассказы «Сенька» (о парнишке-самостреле) и «Вторая ночь» (герой рассказа, храбрый разведчик, не приметлет глумления над поверженным врагом). Нередко книги о войне прямо или косвенно полемизируют друг с другом. Достаточно хотя бы поставить рядом два больших романа, созданных уже в 1990-е годы: «Прокляты и убиты» В. Астафьева и «Генерал и его армия» Г. Владимова – насколько же несовместимы воплощенные в них концепции Отечественной войны – ее сущности, ее движущих сил, ее героев и злодеев.

Свидетельством того, что литература о войне еще очень далека от исчерпанности, служит тот факт, что немало выдающихся произведений только в последние двадцать-тридцать лет выступило из мрака забвения.

Примерно двадцать лет пробивалась к читателям добротная психологическая повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка». В 1979 году она, наконец, увидела свет (благодаря поддержке К. Симонова). Сегодня трудно представить нашу военную прозу без этого Сашки – простого красноармейца, который даже в обстоятельствах войны, даже в смертельной схватке с вражеским солдатом, не поддается ожесточению.

В 1986 году читателей потрясла повесть Константина Воробьева «Это мы, господи!» – трагическая до сюрреалистической жути история испытаний человека, его психики, его воинской стойкости, его духовного самостояния, история нисхождения по кругам ада гитлеровских пересылок, концлагерей, пыточных камер. А ведь написана она была еще в 1943 году, через несколько месяцев после побега автора из плена.

А вот открытие 1990-х годов – сборник «Стихи из планшета гвардии лейтенанта Иона Дегена»: «Ущербная совесть», «Мой товарищ, в предсмертной агонии/ Не зови понапрасну людей...» и еще много других суровых искренних стихов. А написаны они были буквально в самом пекле войны – Деген был танкистом.

Наконец, совсем недавно, в 2006 году, увидела свет повесть Всеволода Петрова «Турдейская Манон Леско. (История одной любви)». В предисловии к ней известный специалист по литературе XIX века С.Г. Бочаров написал: «Из тайников словесности мы получаем прозу классического свойства». Действительно, изложенная тонким, можно сказать, изящным слогом, история трепетной любви молодого офицера к ласковой и всеотзывчивой греховнице, медсестре Вере, и его безутешного горя после ее гибели, приобретает особый, надвременный, «вечный» смысл благодаря свету, идущему от «старомодной» книги аббата Прево о Манон Леско и кавалере Де Грийе.

А томилась повесть Всеволода Петрова в «тайниках словесности» ровно шестьдесят лет!

В истории литературы об Отечественной войне есть еще немало болевых точек и «белых пятен».

Так, остались еще недопрочитанными, недопонятыми и оттого недооцененными некоторые подлинные шедевры. Вот хотя бы драма Леонида Леонова «Нашествие» (1943). Ее толковали как возвращение блудного сына, преодоление отщепенцем своей отчужденности от народа, а на самом деле пьеса была о том, как человек, которого советская власть репрессировала, превратила в изгоя, возвышается в минуту смертельного испытания родины над озлобленностью и обидой, как восстанавливается душевное и духовное родство людей, которое еще перед войной было подорвано подозрительностью и страхом.

И до сих пор ждет объективного прочтения мудрая философская повесть Казакевича «Двое в

степи» (1948), которую при выходе заклеили за «отзвук столь чуждой советской литературе библейской торжественности, туманной значительности апокалипсиса» (Лит. газета, 1948, 10 июля).

Конечно, жизнь литературы не обходится без потерь. Но есть потери и потери...

Есть потери, понесенные в бою. В армии есть разные виды оружия. Есть те, которые предназначены бить прямой наводкой, с самого переднего края. Такие боевые задачи выполняла в наибольшей степени публицистика. Яростные памфлеты Ильи Эренбурга, величественные строки «Слова о родине» Алексея Толстого, саркастические «Письма к неизвестному американскому другу» Леонида Леонова в годы войны были на слуху у миллионов. Но с окончанием войны их актуальность угасла, и они ушли из культурного обращения. Однако, историки литературы не вправе забывать о них, как нельзя забывать о бойцах, отдавших все силы ради победы.

Но есть и потери иного рода.

Ни одна тема отечественной литературы не подвергалась столь жесткому идеологическому давлению, как тема Отечественной войны. Произведения, написанные буквально кровью самих авторов, кромсали, запрещали, навешивали убийственные ярлыки.

Существует даже целый пласт – ошельмованная литература. Загляните хотя бы в сборник документов «Власть и художественная интеллигенция» (М., 1999), где в разделе о периоде войны представлены разные постановления ЦК, докладные записки партфункционеров и прямые доносы из «органов». В число «идейно порочных» попали, в частности, произведения О. Берггольц, М. Дудина, А. Межирова, В. Лившица, потому что они «проникнуты мотивами страдания, смерти, обреченности». Владимира Лившица, например, осуждали за стихотворение «Противотанковый ров» («Во рву, где закончена стычка, / Где ходят по мертвым телам, / Из трупов стоит перемычка / И делит тот ров пополам...»). Михаила Дудина осуждали за поэму «Костер на перекрестке» (в доносе цитируются такие «крамольные» строки: «Я знаю всё. Я ел солдатский хлеб. / Я видел столько горя. Я ослеп. / Я разучился в воскресенье верить, / Гнилую накипь желчи и тоски / До гробовой неструганой доски / Мне никакою мерой не измерить»). «Целый ряд политических ошибок» углядели у известных поэтов – Ильи Сельвинского, Николая Асеева и Маргариты Алигер. Литературоведов из ЦК возмутили вопросы, которые задавала героиня поэмы Алигер «Твоя победа» летом 42-го года, когда наша армия откатывалась к Волге: «Мой хороший народ, мой смелый / Как же так, почему такое?.. Я хочу не сдавать Ростова, / На Дону не сдавать переправу». А Николая Асеева уличали в том, что он «клеветнически изображает советский тыл», речь шла о стихотворениях, в которых поэт запечатлел неприглядные явления: социальное расслоение («Люди из трюма смотрят угрюмо, / Холодом веет жестокая дума. / Обитатели верхних кают / Грозно стоят за фанерный уют»), черствость, ожесточенность – то, что вылезло наружу в суматохе массовой эвакуации.

Большинство из произведений, ошельмованных идеологической цензурой, так и не дошли до печатного станка, другие – единожды пробившись в периодику – уже не переиздавались, третьи подвергались переделкам, существенно ломавшим первоначальный смысл. Этот пласт военной литературы еще ждет своих исследователей.

Даже те произведения, которые все же пробивались к читателю, и вошли в арсенал признанных книг, нередко были основательно искромсаны цензурскими ножницами. Например, допечатные редакционные замечательных повестей Василия Быкова имели куда более трагические финалы. Историкам литературы еще предстоит порыться в архивах толстых журналов и издательств, сравнивая то, что хотел сказать автор рукописи и что сказало после идеологических проработок и цензурных экспертиз.

А иные книги о войне были выдвинуты из культурного поля по соображениям политической конъюнктуры.

Такова была судьба книг о плене. Сначала эта тема вообще была под запретом, потому что всех побывавших в плену Сталин называл изменниками родины. Потом, с началом «оттепели» вырвался целый поток: тут и документальная повесть Юрия Пилляра «Всё это было!» (1955); тут и сборники воспоминаний бывших узников лагерей смерти – Бухенвальда («Война за колючей проволокой»), Заксенхаузена («Незримый фронт»), Равенсбрюка («Они победили смерть»); тут и мемуарные книги А. Лебедева («Солдаты малой войны»), А. Пирогова («Это не должно повториться»), В. Сахарова («В застенках Маутхаузена»). В этих мемуарах, вовсе не претендовавших на художественность, порой описываются такие сцены, которые не снились Босху и Гойе, рассказывается о таких актах сопротивления фашистской машине, какие ни одна героическая эпопея не знает. Но потом, в начале 60-х, партийные власти спохватились, посчитали чрезмерным внимание к судьбам «честных пленяг», как они их саркастически обозвали. Тема была прикрыта. И книги эти забыты. И забыт Сергей Сергеевич Смирнов, который имел мужество первым заговорить о тех, кто не по своей воле оказался в плену, и огромными усилиями которого был спустя двадцать лет после войны восстановлен праздник Дня Победы, подлинно общенародный праздник.

А в годы перестройки конъюнктура, хоть и под противоположным идеологическим знаком, проявилась в эдаком высокомерном принижении некоторых талантливых книг только потому, что они в свое время проходили по ведомству соцреализма. Совсем задвинули невесь куда эпическую повесть Бориса Горбатова «Непокоренные». Стали отмахиваться от фадеевской «Молодой гвардии», не вспоминают «Знаменосцев» Олеся Гончара. Конечно, многое в этих романтических эпопеях сегодня видится наивным, декламационным. Но герои там живые, и чувства их искренние и благородные. В свое время эти книги вовсе не подгибали сознание молодых читателей под казенные догмы, а, наоборот, поэтизировали высокие благородные идеалы, за

которые отдавали свою жизнь совсем молодые ребята.

Наконец, просто выпали из культурного поля некоторые умные, но лишённые налета сенсационности книги. Не уверен, что нынешний молодой читатель берет в руки «Пядь земли» Григория Бакланова или «Последние залпы» Юрия Бондарева, повести, которые, явившись в конце 50-х, придали «второе дыхание» военной теме. А кто сегодня помнит великолепную социально-психологическую дилогию Алеся Адамовича «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой»? Или роман Леонида Первомайского «Дикий мед», философское размышление о поведении человека под прессом бесчеловечных обстоятельств? А рассказы, написанные выдающимися мастерами русской прозы – «Ясным ли днем» Виктора Астафьева и «Красное вино победы» Евгения Носова, где ранее неведомыми гранями открывался характер так называемого «простого человека»? Все эти книги – из шестидесятых годов, по меркам истории литературы – не так уж и давно.

Да ведь написанные уже в 70-е годы «Клавдия Вилор» Д. Гранина (о женщине-политруке, прошедшей через все испытания плена), «Хатынская повесть» А. Адамовича (о палачах из зондеркоманд, спокойно уничтожавших жителей белорусских деревень), «Капитан дальнего плавания» А. Крона (о легендарном подводнике Александре Маринеско и его драматической судьбе) тоже не очень-то востребованы...

Шестьдесят пять лет прошло со дня Победы, почти семьдесят лет существует литература о Великой Отечественной войне. Она и сейчас остается живым энергетическим потоком художественного процесса. Она еще нуждается в исследованиях, которые должны закрыть «белые пятна» в ее истории, очистить литературные первоисточники от цензурных и конъюнктурных наслоений. Надо еще заново перечитать ряд выдающихся произведений, восстановить незаслуженно забытое. И, кто знает, может быть, сейчас внук или правнук солдата Отечественной войны пишет свою книгу о той войне. К сожалению, у него вполне может быть за плечами собственный кровавый опыт (Афганистан, Чечня). А может, где-то в семейных бумагах, архивах издательств или надзирающих ведомств еще ждут первооткрытия рукописи, написанные тогда, в «сороковые, фронтовые»...

Книги об Отечественной войне должны всегда быть в круге чтения молодых поколений России. Это настолько художественно разнообразная литература, что, обратившись к ней, учитель может охватить практически всю гамму жанров лирики и эпоса, познакомить учеников с лучшими образцами отечественной публицистики. Этот литературный материал позволяет показать самые существенные художественные направления русской литературы XX века: тут и обновление романтической традиции, и рождение психологического натурализма, углубление традиций классического реализма, даже отдельные явления экспрессионизма (например, памфлеты И. Эренбурга, рассказ В. Катаева «Отче наш») и сюрреализма (в повести К. Воробьева

«Это мы, господа...»). Посредством сопоставления можно наглядно представить своеобразие каждой из этих тенденций.

Если книги об Отечественной войне будут привлекать юных читателей, если они научатся наслаждаться ими, то это будет иметь огромное значение для духовного становления. Ибо через эти книги проходит главная нить исторической памяти народа. Благодаря своим эстетическим качествам, они делают эту память зримой, насыщают ее сопереживанием – гордостью и состраданием. А если мы не будем закрывать глаза на отвратительное явление нашего времени – проникновение неофашистской идеологии в среду современной молодежи, правнуков солдат Великой Отечественной, то, объяснение,

что такое нацизм и напоминание о том, что несли нам гитлеровцы, будет более чем актуальным.

Того, кто слышит набатный голос «Священной войны», кто знает наизусть «Клятву» Ахматовой, кто любовался Василием Теркиным, кто прошел вместе с лейтенантом Вороновым по всем кругам фашистского ада, кто представил в воображении своем, какой ценой отстаивали герои Григория Бакланова пядь родной земли, кто произнесет, как свои собственные, строки из стихотворения Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» – того не надо учить любить родную землю, беречь гордую и горькую правду о страданиях и подвигах своих предков, осознавать личную ответственность за судьбы своей страны.